

ВДВОЙНЕ ЛЮБИМАЯ

ГРОМОВА УЛЬЯНА

Громова Ульяна

Вдвойне любимая

<https://litres.ru/74227504>

Аннотация

Я загадала получить всего в два раза больше — и вскоре встретила Сергея. Красивого, богатого и слишком разного: сегодня он властный и безбашенный, завтра — нежный и чуткий. Он забывает наши разговоры, меняет привычки и иногда ведёт себя так, будто мы знакомимся заново.

А однажды утром я вижу перед собой двух одинаковых мужчин.

— Сережа? — Я, — отозвался тот, который только что вошёл.

Я перевела взгляд на мужчину, с которым провела ночь.

— А ты тогда кто такой? — Савелий. Мы близнецы. — Вы со мной... вдвоём?!. Это у вас что, игры такие — притворяться друг другом и спать с одной девушкой?!

Братья утверждают, что оба меня любят. Но я не просила, чтобы меня делили втёмную.

Содержание

Пролог	4
Дубль первый. Свет! Камера! Мотор! Начали!	6
Дубль второй. Не ждите чуда. Чудите сами!	15
Дубль третий. Радости надо уметь готовить	24
Дубль четвёртый. Шестнадцать квадратных метров секса	33
Дубль пятый. (С)точно чувствуя	41
Дубль шестой. Гор(д)ячка	51
Дубль седьмой. Понаехали	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Пролог

— Так больше невозможно...

Савелий смотрел в окно особняка, заложив руки за спину.

За его напускным спокойствием скрывался ураган эмоций.

— Что ты предлагаешь, брат? — спросил устало.

Нас обоих вымотала эта чёртова хрень.

— Надо найти девушку.

— Которую по счёту? — я горько усмехнулся.

— Нужно искать. Снова и снова.

— Может, всё-таки в Швецию? Там это норма.

Савелий медленно отошёл от окна и сел в кресло. Его бокал с коньяком уже согрелся, хотя в комнате работал кондиционер.

— Помнишь, в полсотке на эпизоде была девчонка...

— Серебристая которая? Помню. Она мне снилась... — я осёкся.

Савелий поднял на меня ироничный взгляд. Я мог бы и не рассказывать ему, как кончил во сне, когда мне приснилась та красавица.

— Имя у неё редкое. Забыл... — брат сделал глоток коньяка и покатал его на языке.

Миндально-шоколадный вкус сменился нотками апельсина и морской соли.

— Ярослава.

— Да, точно, — держа бокал, Савелий направил на меня указательный палец. — Ничего против не имеешь? — спросил серьёзно.

Мог бы и не спрашивать.

Дубль первый. Свет! Камера! Мотор! Начали!

Задумайтесь над своим поведением...

Не мало ли вы себе позволяете?

— Яра, мы опоздаем, если ты ещё минуту прокрутишься у зеркала, — нетерпеливо ворчала подруга. — Давай быстро, такси уже ждёт.

Мы со Светой шли на скандальное шоу «За закрытыми дверями» клакерами — наёмными зрителями. Это наше с подругой хобби. Она работает учителем географии в школе, а я делопроизводителем в магазине товаров для животных. По приезде в Москву долго искала такую работу, чтобы её было не слишком много, зарплата нормальная и кабинетик свой. В «Четыре лапы и хвост» я всё это получила. И как отдельная приятность — свободный тайм-менеджмент: когда нужна, тогда на работу и прихожу. Конечно, в отчётные периоды бывают и авралы, но в целом все поставки по чёткому графику, коллектив продавцов давно сложившийся, директор магазина — Анна Павловна, мать Светы — просто душа, мы давно и успешно подменяем друга. Она меня с дочерью и познакомила, когда узнала, что я никого в городе не знаю. А весёлая девушка приобщила меня к своему хобби — съёмках в массовках.

— Да иду, иду!

Я отдёрнула светло-серую юбку, поправила нежно-голубую приталенную блузку, застегнула на шее тонкую цепочку с подвеской в виде капли росы, уютно устроившуюся между грудей, покрутилась, тряхнув моей гордостью — длинными волосами редкого лавового пепельного оттенка, сунула ноги в туфли на шпильке и взяла клатч. Брызнула в воздух французские духи и прошла сквозь облачко. Подруга нетерпеливо переминалась с ноги на ногу и всё смотрела время на со-
товом.

— Взяла переодеться?

Я молча подхватила небольшую сумку и вышла за Светой в коридор. Пока замыкала дверь комнаты в общежитии, она уже унеслась вниз...

...А ещё через час мы благополучно входили в студию, как раз когда помощник режиссёра крикнул:

— Грехова здесь?

Я помахала молодому парню:

— Здесь!

Алексей подошёл ко мне:

— Сядешь на третий ряд у прохода. Запоминай: когда «маска» скажет «Если найдётся женщина, которая сядет ко мне в ванну...» ты встаёшь и садишься в ванну. Учти — если кто-то успеет вперёд тебя, свои пять штук ты не получишь. Усекла?

— Не сомневайтесь, Алексей!

— Хорошо. Подпиши, что предупреждена о том, что любые отношения с участниками программы за пределами студии — лично ваше дело, и руководство канала за это ответственности не несёт.

Я легко подмахнула подставленный документ и едва успела закончить подпись, парень выдернул планшет у меня из рук и гаркнул:

— Гости студии, по местам!

Мы со Светой поспешили занять кресла, а когда и все остальные наёмные зрители расселись, двери студии открылись для тех, кто купил билет на шоу, в котором трясут чужими скелетами.

Следующие сорок пять минут мы скучали — совсем неинтересно слушать разоблачения меркантильной «супруги» какого-то «сантехника». Клакеры отыгрывали свои деньги, бросая реплики из зала, подогревая интерес зрителей. Очень хотелось скоротать время в интернете, но мы сидели в первом ряду, и телевизионная камера то и дело снимала нас со Светой. Сколько тех кадров останется при монтаже — узнаю через неделю, когда выйдет программа, а пока нужно рисовать на лице заинтересованность, кривить губы в презрении к «жене» и строить сочувственные рожицы при взгляде на «сантехника».

Наконец, в студию вытащили ванну и несколько ящиков шампанского. Наступал мой звёздный час.

Меня отобрали на роль «рыбки» на кастинге. Краем уха

слышала, что выбирал сам «маска». На заре клактерства я удивлялась, насколько все шоу лживы, возмущалась масштабу обмана зрителей даже в политических программах, но со временем просто забила на это — ничего не изменится, а вторую зарплату моя внешность приносила стабильно. Меня частенько выбирали именно на такие вот публичные роли, я даже снялась в проекте «50 оттенков свободы» на развлекательном канале — играла в одной из серий изнасилованную немецкими захватчиками деревенскую девку. Это было непривычно и неприлично, но адреналин зашкаливал.

Пока я предавалась воспоминаниям, шампанское уже вылили в ванну, и в неё сел парень с закрытым венецианской маской лицом так, что видны были лишь губы. Я слушала его «исповедь» о том, что у него не складываются отношения с девушками, что он красив лицом и неприлично богат, и положит все свои сокровища в виде банковского счёта и сердца смелой девушке.

Я даже растерялась, когда в студии на несколько секунд повисла тишина, и только стук каблуков сверху по деревянной трибуне и зверское лицо Алексея у осветительного прибора привели меня в чувство. Я излишне поспешно вышла под свет софитов. Сердце дико стучало, в голове билась паника — вовремя ли я всё делаю? Ведь маска не сказал тех слов.

Скинула туфли и шагнула в ванну. Узкая юбка задралась, обнажая ноги почти до бедра, я перешагнула второй, чув-

ствуя, как щиплют кожу пузырьки шампанского. Задержала дыхание и села в искристый напиток, хмелея от ударившего в нос алкоголя. Я, подписываясь на эту роль, думала, что шампанское будет подкрашенной минералкой — так было сказано в соглашении. А теперь сидела напротив мужчины в дорогом вине под ярком свете прожекторов и не слышала ни оглушительных оваций зрителей, ни слов, что говорил мне маска. Я видела лишь его губы и глаза в прорезях. Он взял мои руки и легонько сжал пальцы, и это помогло немного прийти в себя:

— ...носить на руках, любить и беречь... — услышала его последние слова и кивнула — что я должна говорить в ответ, мне не сказали, а я при всём желании ничего не смогла бы придумать в одурманенном состоянии.

Слава шпилькам, ведущий вернулся к своим обязанностям и завершил шоу. Мы с маской так и сидели в ванне, пока студию не покинули все гости программы, кроме Светы. Она подскочила ко мне и подхватила под мышки, помогая встать.

— Ты как? Яра... — взволнованно спросила подруга.

Мужчина тоже вышел из ванны и снял маску. Он оказался действительно красив, как молодой хищник, вошедший в силу и обретший уверенность в себе. Что-то было в нём притягательно опасное, будоражившее нервы до покалывания кончиков пальцев и дрожи в коленях. Впрочем, возможно, это пары алкоголя, проникнувшие в мой организм, ове-

или его образ романтизмом и мистическим флёрот.

— Яра, значит? Сергей. Приятно познакомиться, — он улыбнулся, и на щеке появилась ямочка.

Парень окинул меня взглядом, но больше ничего сказать не успел — подоспел Алексей и повёл нас в гримёрки переодеваться. Света шла за нами. Едва закрылась дверь крохотной комнатухи с большим зеркалом, она упала на диванчик и воскликнула:

— Ты же говорила, будет вода! Теперь на липкое тело надевать чистые вещи?! А, на твои туфли, — она всё ещё держала в руке мою обувь.

— Спасибо, Светик. — Я открыла скромную белую дверь в уголке гримёрки. — Здесь есть душ.

Скинула с себя всю одежду и голая шагнула внутрь, услышав завистливый вздох подруги — десяток лишних килограмм не портили её милоту, но похвастаться таким же идеальным, как у меня, телом она не могла.

Через пять минут я уже вышла из душа, наследив мокрыми ступнями по линолеуму, вытерлась и надела муаровое платье с открытой спиной и воздушной юбкой выше колена. Света ворковала по телефону со своим бойфрендом, с губ только что нектар не сочился. Когда я собрала в пакет вымоченные в шампанском вещи и сунула его в сумку, она, наконец, попрощалась со своим Веником — там ласково мы звали Вениамина, оператора освещения, с которым подруга закрутила роман несколько месяцев назад.

Новый год мы встречали втроём, эта сладкая парочка беспрерывно целовалась, и от их ласковых пошлостей меня тошнило больше, чем от алкоголя. Тогда я и поняла, что эта ваниль мне не нравится, разозлилась на друзей и, когда куранты считали до двенадцати, громко загадала желание. «Хочу в два раза больше!» Света и Веник переглянулись и рассмеялись, и ещё час расписывали мне в красках это «в два раза больше». Интересная, вообще-то, идея, жаль, воплотить не придётся.

Мы уже готовы были уйти, я повесила на плечо клатч и открыла дверь, тут же отшатнувшись от неожиданности — Сергей стоял в тёмно-серых брюках и розовой рубашке, с поднятым кулаком — собирался постучаться. Глаза у него просто невероятные — тёмно-сизые с голубыми лучиками. Парень окинул меня взглядом и чуть улыбнулся.

— Шикарно выглядишь, Яр-ра... — моё имя прозвучало раскатом грома, а глаза метнули молнии. — Нас ждёт машина и столик в ресторане. Ты не против?

Показалось, он едва оторвал от меня взгляд и бросил его за плечо, и я сразу услышала голос Светы:

— Ох, обо мне не беспокойтесь, мне пора, пора, пора...

Подруга выскользнула из гримёрки бочком, прихватив мою сумку, и поспешила по узкому коридору к лестнице. Уже сворачивая на неё, весело подмигнула, и через секунду я услышала быстрый стук каблучков по каменным ступенькам.

— Я не против, — улыбнулась и тряхнула густой гривой пепельных волос.

Сергей обнял меня за талию и повёл к выходу.

Белый лимузин с шампанским в ведёрке со льдом и огромным букетом нежно-розовых роз, благоухавших на весь немаленький салон, приятно удивил — я ожидала такси, а не такую роскошь. Когда парень, сидя в ванне с шипучкой, обещал положить мир к моим ногам, я свято верила, что он тоже клакер и просто отыгрывает роль, но этот начищенный до блеска «Линкольн» сразил почти наповал.

— Ночная Москва красива, — парень подвёл меня к открытой водителем в чёрном костюме двери.

Я разволновалась, и сесть в машину изящно не получилось. Лицо залилось краской, и я обрадовалась полутьме в салоне. Сергей устроился рядом, через полминуты машина тронулась. Я закусила губу и отвернулась в окно.

— Яра, что-то не так? — вкрадчиво спросил парень, кончиками пальцев коснувшись моей руки.

Повернулась, и его взгляд упал на мою закушенную губу, а мой — на его длинные густые ресницы. Я скользнула по ним от основания до кончиков, и они нехотя поднялись, будто я зацепила их краешки и потянула вверх. Мой серый и его сизый взгляды столкнулись, мелькнули разряды, полетели искры... Я еле завершила этот химический процесс.

— Всё нормально, — вскинула подбородок и искренне улыбнулась.

— Тогда держи, — Сергей подал мне бокал с «Мадам Клико». — За знакомство.

Мне не стоило пить — я быстро хмелею, но внутреннее напряжение мешало наслаждаться приятной компанией и вечером. Взяла предложенный бокал, мы столкнули их с хрустальным звоном, и я сделала большой глоток. Приятное тепло прокатилось и упало в пустой желудок, пустив по телу волны расслабления. Откинулась на спинку сиденья, на несколько секунд прикрыла глаза. А когда открыла и встретила взгляд Сергея, поняла, что жаркий день завершится жаркой ночью. Парень это тоже прекрасно понимал.

Дубль второй. Не ждите чуда. Чудите сами!

Всё происходило слишком быстро, и от этого становилось немного неудобно. Никогда раньше мои отношения не перетекали в горизонтальную плоскость через несколько часов от начала общения. Я оправдывала свою беспутность тем, что парень диво как хорош собой, тем, что мы больше не встретимся — почему бы не окунуться в романтическое приключение? В нашем случае это логичное завершение вечера.

Есть мужчины с невероятным магнетизмом, что не оторвать от них взгляд, не выбраться из их объятий. Мне казалось, я растворилась в Сергее, потеряла себя, понимала, что он подавляет мою волю и разум, что он всегда будет на вершине пищевой цепочки в нашей паре. Сергей оказался моим личным Армагеддоном, я осознавала, что становлюсь его жертвой, агнцем для заклания, и было плевать. Не было желания его менять, брать верх, диктовать правила и условия, что-то требовать... Я по всем пунктам, что могла выдумать моя фантазия и сотня психологов, стала принимающей стороной. И принимала его таким, как он есть: властным, опасным, хищным, стремительным, неотразимым, обаятельным...

— Яр-ра... — Никогда ещё так не нравилось звучание мо-

его имени, как это раскатистое звериное, едва сдерживаемое рычание мужчины. — У тебя есть в Москве любимые места? — Любимых нет, — призналась честно.

Гулять по Москве мне было некогда, всё свободное время я проводила на кастингах или съёмках, или сидела в коридоре Останкино в ожидании, что какой-нибудь режиссёр пригласит статисткой. Чаще всего эти ожидания оправдывались.

— А в которых хотела побывать?

— Мне немного стыдно, но я не настолько любопытная, — улыбнулась собеседнику, не выпускаявшему мою ладонь из своей руки.

Я ещё и не слишком внимательная, если говорить о каких-то житейских мелочах.

— Придётся тебе положиться на мой вкус в выборе ресторана, — улыбка тенью скользнула по лицу парня и упала очередной каплей мёда в моё сердце. — Блюда на ужин я заказал заранее.

— Люблю сюрпризы.

Я хлопнула ресницами и тут же смутилась, но ничего поделать с собой не могла — ритуальный танец явных и не очень знаков внимания сам собой складывался в откровенные заигрывания. Сергей владел собой лучше, его осторожные прикосновения больше походили на робкую разведку границ дозволенного, на прибой — чуть больше нахлынул и тут же отступил, отвоёвывая территорию незаметно и неотвратимо. Мы оба соблюдали приличия лишь для того, чтобы

потом нарушить их в одно мгновение, порвать вуаль сдержанности и без того невесомую, лишь смутно угадывавшуюся. И от того тело одновременно и томно расслаблялось, и напряжено звенело, в мыслях то раздавались глухие удары там-тама, то чарующие звуки флейты, то чувственный саксофон.

— Тогда сначала в ресторан, потом... — его взгляд скользнул по моей голой коленке вверх, остановился на секунду на груди — я почувствовала, как сжались в твёрдые горошинки соски — по шее к губам и обволок мой разум сизым туманом, — ...к тебе или ко мне?

Это был контрольный вопрос — я чувствовала это, но как ответить не представляла. Ко мне однозначно нет — этому алмазу в розовой рубашке нужна оправа не из облезлых стен общежития. К нему... страшно. Отказаться от обоих вариантов после «тестового» поцелуя, когда наши губы едва коснулись, познакомившись — это как-то глупо. И сам вопрос отозвался в душе радостью — парень хочет продолжить наш вечер. Я тоже. Пришлось выбрать наименьшее из зол:

— К тебе, но утром мне надо на работу...

— Я отвезу. Где ты живёшь?

— На Яхромской, это Дмитровское шоссе.

— И работаешь там же?

— Нет, езжу на Крылатские холмы.

У парня во взгляде застыло удивление.

— Это же из конца в конец. Как ты добираться?

— Маршрутка, метро, автобус, — пожала я плечами, — привыкла уже.

— А там квартира?

— Нет, — я смутилась, — комната в общежитии.

— А-а-а... поэтому ты постеснялась меня пригласить?

— И да, и после полуночи там не пускают и не выпускают.

Возмущение, написанное на лице Сергея, рассмешило бы, если бы однажды мне уже не пришлось платить за возможность попасть домой тысячу рублей. Самвел — хозяин двухэтажного обшарпанного общежития, был душкой во всем, кроме этого пункта правил. Можно было даже задержать оплату, но карета превращалась в тыкву в полночь, и никакое волшебство до шести утра бесплатно не происходило.

— Ты не москвичка... — прозвучало утверждением, и я просто кивнула. — Средневековые какое-то... — Сергей помолчал и добавил: — Но от меня на работу ближе, может, сейчас заедем к тебе, возмёшь, что нужно, и я отвезу тебя утром прямо... Где ты работаешь?

— В зоомагазине делопроизводителем.

— Значит, в зоомагазин.

— Нет, не стоит. Всё же у нас вечер немного другой тематики, и решение моих проблем в него не входило. Я привыкла, просто нужно добрать до общежития до полуночи или где-то быть до шести утра, потому что и при наличии денег надо ещё достучаться до охранника — Равиль запросто мо-

жет не открыть, даже если услышит.

Я не кривила душой. Это азербайджанец после нескольких моих отказов спать с ним заявил, что опоздай я хоть на секунду по его часам, и путь в мою комнату проляжет через его постель. И он мне даже сам доплатит.

— Ты не думала найти жильё поближе к работе?

Думала. Но восемь тысяч, которые я плачу за двухместку там, чтобы жить одной, не шли ни в какое сравнение с двадцатью за комнату на подселении.

— Давай не будем о моих неудобствах, — снова попросила я. — А ты чем занимаешься?

Сергей немного помолчал и ответил:

— У меня небольшой бизнес, это неинтересно... Кстати, мы приехали...

...на Космодамианскую набережную к отелю «Красные холмы», поднялись в отдельном лифте на тридцать четвёртый этаж в «City Space Bar & Lounge». Это место создано, чтобы поразить воображение. И дело не в приглушённом свете и лучших видах на Москву, не в сервисе и оформлении блюд, а в том, что меню здесь — для бедных фантазией людей, потому что любое блюдо и напиток создавались на лету, стоило лишь выказать предпочтения в продуктах. Полудомашняя непринуждённая атмосфера, негромкая приятная музыка и искренние улыбки барменов дополняли уют душевностью и теплотой.

— Еду я заказал европейскую, а напитки будет смешивать

знаменитый лондонский бармен Крис Мур, владелец не менее известного в Великобритании бара «Couquette». Так что сюрпризов сегодня будет много... — Сергей улыбнулся и добавил тише, наклонившись к самому уху: — столько, сколько выдержишь.

Эффект от места, спутника и предвкушения ночи щекотал в животе лепестками огня. Нас проводили к столику у панорамного окна и предложили бинокли: Москва еще не погрузилась в темноту — ночи в конце июня слишком короткие, а сегодня ещё и день летнего солнцестояния. Небольшой диванчик-полумесяц стоял лицом к панораме, а столик из толстого тонированного стекла отображал блики низко висевших светильников, стилизованных под планеты солнечной системы. Это был единственный столик с букетом из распустившихся и лишь набравших фиолетовый оттенок артишоков, ярко-зелёных помпонов неизвестного мне растения и зеленовато-белых роз вперемишку со стрелчатými плотными сизыми листьями, похожими на пальмовые, но я не была в этом уверена.

— Это тебе, — подвинул мне необычную композицию в каменной серой чаше парень и поцеловал в щёку.

— Спасибо, — я подняла на него глаза. — А почему артишоки?

— Ещё один сюрприз, — Сергей сел рядом. — Мы с тобой сегодня вроде артисты, а остальное я готовил, чтобы тебя слегка шокировать. Игра слов, — он улыбнулся. — У ме-

ня получилось?

— Вот сейчас точно получилось.

— Это итальянская разновидность артишока — Киоджа. Его листья не колючие, как у Сардо или Лигурийца, — парень провёл кончиком пальца по сизому листу. — Вообще у этого цветка интересная древняя история. Если интересно, я расскажу, но после того, как мы с тобой его попробуем.

— А ты откуда столько знаешь об артишоках?

— Готовился поразить тебя эрудицией и целых полчаса зависал в интернете, — рассмеялся мой спутник, окончательно разрядив атмосферу. — Наше меню будет с артишоками, надеюсь, тебе понравится. Тем более что и шеф-повар сегодня приглашённый — здесь такие вечера не редкость. Бывает, звёзды эстрады и кино дают мастер-классы по приготовлению своих любимых блюд.

— А повар сегодня кто?

— Жереми Урюти из французской провинции Бордо.

Пока мы разговаривали, официантка как-то незаметно навела на нашем столике романтический беспорядок: зажгла две серебристые витые толстые свечи, рассыпала лепестки цветов.

Сергей достал из кармана брюк небольшую плоскую коробочку и открыл её. Серьги — три артишока разных размеров, будто из стекла с белым напылением и золотистыми краями на золотых спиральках. В комплекте золотое колечко с такими же артишоками, но очень мелкими. Необычно

и очень изысканно.

— Это тебе на память об этом вечере.

— Но это же дорого, я не могу это взять!

— И куда я должен это деть? Я ведь заказывал это как раз для той девушки, что отважно сядет в ванну с шампанским... — лукаво прищурился парень. — Ты не можешь отказать, Яр-ра... — он наклонился к моему уху и добавил: — Мы ведь знаем, чем закончится эта встреча, разве не должен мужчина благодарить женщину за проведённую с ним ночь?

— Я всегда считала, что подарки должны дариться от души, а не в качестве благодарности, — парировала я.

Стало немного обидно, хотя понятно — с чего бы ещё ему дарить мне украшения через час знакомства?

— Ты права. И ты мне нравишься, Яра, поэтому я рад вдвойне, что приготовил этот подарок. Не отказывайся просто потому, что так не принято. Делай, что хочется, не думай о том, что подумает кто-то.

Я смотрела в его глаза пристально — как он понял? Хотя что тут понимать...

— Спасибо... — я взяла коробочку и достала одну серёжку. — Как-то неожиданно артишок ворвался в мою жизнь.

— Так он же волшебник из Средиземноморья, — заулыбался парень и ответил на мой невысказанный вопрос: — Там его родина.

— А почему волшебник? — я вдела в уши серьги и надела

кольцо, вытянула руку и полюбовалась игрой пламени огня на гранях камней.

— Это ты поймёшь чуть позже.

— Ну и артишок с тобой, — кивнула я и тряхнула пепельной гривой.

Сергей весело рассмеялся.

Дубль третий. Радости надо уметь готовить

Моя жизнь!

Когда хочу, тогда и дура!

Салат из артишоков с подкопчённой семгой и красным грейпфрутом приземлился на стол первым. С кусочками обжаренного миндаля и половинками консервированных оливок с медово-лимонной заправкой он удивил тонким вкусом. Мы запивали его белым сухим итальянским вином и непринуждённо обсуждали сегодняшнее шоу. Когда тарелки опустели, официантка поставила перед нами бамбуковые досточки с новым блюдом — брускетты с креветками, авокадо, пармезаном и неизменными сегодня артишоками показался мне изысканнее салата. Я не удержалась от восторженного:

— М-м-м! — отправила в рот жареную креветку и закрыла глаза от наслаждения. — Это просто невероятно вкусно!

— Мне тоже нравится. Это как раз авторский рецепт Жереми. Я просто сказал, какие ингредиенты хотел бы увидеть, а он создал для нас этот шедевр.

— Божественно! Я хочу рецепт!

— Вряд ли это возможно... Давай попробуем расшифровать, что тут есть...

Следующие, наверное, полчаса мы спорили, из чего сде-

лан соус, которого было всего пара мазков, потом я записывала в заметку на сотовом список продуктов и фотографировала половинку лакомства, жалея, что не додумалась сделать это сразу. Сергей смеялся и рассказывал о винном туре в Италию и Францию, в Португалию и Новую Зеландию. Мне рассказать было нечего, я, кроме своего Балезино и Москвы, не была нигде. Последним блюдом нашего ужина оказался нисуаз, разумеется, всё с тем же волшебником Средиземноморья: обжаренные лишь снаружи кусочки тунца с руколой, половинками перепелиных яиц и микс из салатных листьев под соусом табаско — это было волшебство! Мы съели это молча, подобрав белым хлебом все капельки и крошки.

— Сергей, спасибо за ужин. Я просто в рай гурманов попала! Всё просто супер как вкусно!

От восторга я сжала его ладонь и не заметила, как в порыве искренней благодарности прижала её к груди.

— Простые человеческие радости, если они хорошо приготовлены, запоминаются на всю жизнь, — парень улыбнулся. — Теперь, когда мы сытые и довольные, предлагаю перейти в бар — сейчас... — он взглянул на наручные часы, — как раз начнётся миксшоу бренд-амбассадора. Я бы даже назвал это — настоящий артишок.

— Игра слов? — усмехнулась я.

— И букет смыслов, — подмигнул Сергей.

Сергей крепче сжал мою руку и встал, потянув меня за собой к барной стойке, возле которой уже собирался народ.

Нам ещё достались два табурета ближе к центру, но уже через несколько минут гости заведения толпились за нашими спинами. И когда появился Крис Мур — невысокий мужчина совершенно обычной наружности, я не ожидала ничего особенного. Но — святой артишок! — как же я ошибалась! Коктейлям, который он создавал, казалось бы, из совершенно несочетаемых ингредиентов, разливались на языке арбузной свежестью, согревали пряным вкусом клубники и перца, пленяли дынным мёдом, обжигали крепостью кальвадоса с карамельным огнём... Всё это сопровождалось шутками, смехом, флейрингом[1] и весёлыми историями из практики Криса, а зрители придумывали названия авторским напиткам, снимали шоу...

Два часа пролетели как один миг, и когда всё закончилось, появилось сожаление быстро и как-то внезапно окончившегося праздника. Сергей попросил Криса сфотографироваться со мной. Несколько снимков с таким известным человеком стали венцом сегодняшнего артишока. Меня переполняли эмоции и алкоголь, хотелось танцевать и петь — уйти вразнос, оторваться на всю катушку, но в этом ресторане не танцевали, и Сергей вручил мне мой необыкновенный букет и повёл к лифту, спустившему нас с небес на землю...

Дорогу до его особняка на том же «Линкольне» я запомнила плохо — мы целовались всё время, оба пьяные и весёлые, раскованные и возбуждённые. Сергей не шарил по мое-

му телу руками, не лез под платье и вообще не позволял ничего лишнего — своё горячее желание выражал лишь поцелуями, и они заводили ещё хлеще от того, что я знала: чуть позже он всё же разденет меня. Это предвкушение смешивалось со смущением, волновало, будто я займусь сексом впервые в жизни. И от этого голова кружилась ещё сильнее. Этот парень умел быть откровенным и оригинальным, но не наглед и не оскорблял ни словом, ни взглядом, ни действием.

Когда остановились перед огромным трёхэтажным домом с тёмной полукруглой черепицей на башенках и переходах, я ахнула.

— Это твой дом?! Это ж замок...

— Сказка для принцессы должна закончиться в замке, — Сергей улыбался во весь рот. — Всё-таки ты правильно решила поехать ко мне.

Я представила, как мы сейчас вваливаемся в мою двенадцатиметровую комнатку, в которой после сборов на шоу остался бардак...

— Это точно... — протянула задумчиво и почувствовала на талии руку парня.

— Не бойся, я не синяя борода и не монстр. Если ничего не захочешь, мы просто будем спать, можно даже в разных комнатах. Ты мне понравилась, Яр-ра, я бы хотел если не повторить этот вечер, то провести с тобой ещё немало других.

— Я не смогу, как ты умеешь, ответить небанально... — смущённо опустила взгляд.

— Банально — самое лучшее, — ответил парень, ведя меня по дорожке к входу во дворец. — Небанально говорить легко, когда не скован желанием понравиться. Банально значит, что я тебе тоже нравлюсь.

— Нравишься... — ответила тихо, но он услышал, развернул меня к себе, обнял крепко и наградил таким поцелуем, что я задрала ножку от захвативших меня чувств.

— Пойдём, — потянул в дом за руку, когда отпустил мои губы. — Можешь не беспокоиться, прислуга живёт отдельно, — кивнул на небольшой двухэтажный домик за деревьями. Я видела лишь его очертания и свет от фонаря над крыльцом.

— Ты один здесь?

— Пока да, — ответил расплывчато и закрыл за нами входную массивную дверь — как в настоящем замке, только железного засова не хватало. — Наверх, — повёл меня по широкой каменной лестнице в темноте.

Мы прошли по широкому коридору в комнату с огромной квадратной кроватью — метра три точно. Шикарные балдахины из бархатистой ткани цвета грозового неба приятно сочетались с бледно-голубой вуалью, а чёрное шёлковое бельё и красиво сложенное в ногах белое покрывало поразили не меньше множества подушек. Всё остальное в комнате я разглядела не сразу — непристойные мысли уже упали на эту постель. Я была уверена, что не только ужин окажется королевским, но и секс сегодня меня ждёт невероятный.

Комната оказалась большой, мебель массивной, но сво-

бодное пространство и высокий потолок облегчали обстановку. Большое окно в полстены с дверью на полукруглую лоджию добавляли воздуха, а несколько орхидей в горшках оживляли комнату. На экране огромной плазмы в белом с патиной багете штормило море, белели паруса яхты и качались верхушки пальм. Вся поистине царская мебель — белая с серой патиной, а вазы и статуэтки, оправы большого зеркала на стене — с выразительными трещинами кракелюра.

— Нравится? — услышала я голос Сергея, когда разглядывала потолок.

Казалось, он выгнулся вверх круглым прозрачным куполом, открывая взору грозное небо, а лепнина между стеновыми панелями жемчужного оттенка, стилизованная под колонны, кверху превращалась в плети роз, обрамлявших края купола. Это было необычно и красиво, но ещё необычнее оказался сам свет: он бил рассеянными лучами вверх, будто они пробивались из-за горизонта, и создавали в комнате романтическую и немного таинственную атмосферу.

— Впечатляюще... — я опустила голову и встретила взглядом с Сергеем.

— Мне хотелось в эту ночь окружить тебя красотой, Яр-р-ра... — парень подошёл и провёл по моей щеке костяшками пальцев. — Но самое красивое здесь — ты... — его рука скользнула по шее и притянула меня к нему, а через мгновение он накрыл мои губы поцелуем.

Не таким, как первый, когда мы лишь сняли пробу друг

с друга, аккуратно, как пенку с горячего молока, не таким, как в машине, когда было понятно, что это просто поцелуй, больше для привыкания и закрепления впечатлений от ужина. Этот поцелуй начинался на губах, а заканчивался...

Он не заканчивался, а блуждал по телу тёплым огоньком, скользя там, где только что платье закрывало плечо и груди, где оно прошелестело ветерком по животу и бёдрам к ногам, где ещё минуту назад трусики скрывали под тонким кружевом возмутительно налившуюся плоть... Я в хмельном и чувственном угаре не поняла, как оказалась на постели обнажённой в плену рук и губ одетого Сергея. Это оказалось очень возбуждающе — лежать перед малознакомым парнем голый с раздвинутыми согнутыми ногами и ощущать его пальцы на твёрдой кнопчке, переключившей меня в режим наслаждения.

Лишь почувствовав шершавое прикосновение его брюк к внутренней стороне моих бёдер, я открыла глаза и утонула в сизо-голубом взгляде принца из этого дворца.

— Горячая Яр-ра... — прошептал он мне в губы и провёл языком по краешкам моих зубов, — красивая...

Прошёлся укусами по шее, чуть сильнее зацепив пульсирующую венку, электризуя кожу сотнями тончайших разрядов удовольствия, стремившихся к центру — туда, где поглаживал Сергей, соскальзывая во влажную глубину и снова сматывая электрические нити в узелок, грозивший вспыхнуть сверхновой. Я уже пульсировала внутри, хватая пустоту

вместо твёрдой плоти, потянулась к ремню на брюках парня, расстегнула его и вытянула весь.

— Любишь, когда тебя шлёпают? — спросил тихо, взглянув на кожаного змея, и легонько ущипнул мои складочки. Я застонала от острого ощущения, а мой принц улыбнулся хищно: — Ты крутой кипяток, Яр-р-ра-а...

Я смотрела парню в сизо-голубые потемневшие от желания глаза с коварной полуулыбкой — сегодня было выпито слишком много, чтобы я стеснялась и сдерживала свои фантазии. Промолчала, лишь закусил губу и расстегнула пуговку на поясе и молнию. Дальше Сергей справился сам, и его палец во мне уступил место куда более крупной части его тела.

О боже мой!

Невысказанное блаженство чувствовать, как пульсирующая плоть медленно вбирает в себя горячий член, ощупывает его, сжимая в тугом кольце мышц, и впускает дальше, до самого конца, смешивая влагу возбуждения, обмениваясь самыми первыми каплями наслаждения. С новым мужчиной первый раз — это открытие самой себя, познание его, расширение границ и новая вселенная ощущений! Сергей — главное блюдо сегодняшнего вечера, оваянное ореолом таинственности. Он — опасное приключение, на которое я бы не решилась, если бы не «Полёт навигатора». «Метеоритный дождь», «Хризантема» и «Бешеный бык» — крышесносные коктейли лондонского бармена, смешанные с итальянским

«Пфефферер» и француженкой «Мадам Клико».

Мой партнёр остановился, проникнув в самый эпицентр расходившихся по коже волн удовольствия, прижался ко мне так плотно, что моя пульсация передавалась ему, прокатываясь по почти каменному члену, и растекалась по его телу, выступая мелким бисером на висках. Мы смотрели друг другу в глаза и прислушивались к своим ощущениям...

Парень соединил наши лбы и кончики носов, не прерывая зрительный контакт, и тихо охрипшим голосом спросил:

— Ну что, Яр-р-ра-а... погнались?..

[1] Флейринг — в работе бармена приготовление коктейлей с использованием элементов жонглирования.

Дубль четвёртый. Шестнадцать квадратных метров секса

Сегодня буду разносить хорошее настроение.

Некоторым вдребезги.

Короткое знакомство приправило секс остротой ощущений, романтический флёр ужина растекался по телу ванильным блаженством, а хмель взбалтывал крышесносный коктейль из ощущений.

— Ножки шире, Яр-ра... — прорычал Сергей и рванулся в меня яростным броском.

Я вскрикнула... и тут же снова... и снова... Каждый бросок его члена в моё лоно выбивал воздух из лёгких, встряхивал меня и заставлял цепляться за плечи парня ногтями. Зарывшись в волосы пальцами, он прошёлся по губам лёгкими укусами, тут же сглаживая чуть болезненные ощущения поцелуями. Я сосала его твёрдый язык, облизывая его, как член, а между широко разведённых ног стягивалось в тугую комок предвкушение оргазма.

Сергей просунул под мою шею руку, обхватив за плечи, терзал грудь и сосок пальцами, прижимаясь ко мне животом. Я скользнула ладонями по его плечам и влажной от пота спине, положила их на крепкие ягодицы и забилась под ним в экстазе, едва осознала, как мощно он двигает одними лишь

бёдрами.

О, святые артишоки! Стремительная, яростная, мощная и дико, до фейерверка, до потери памяти идеальная секс-машина! Его страсть — смесь животной похоти и всеобъемлющего к партнёрше внимания, достойного королевы.

Я пульсировала, сминая его член кольцами сжимавшихся мышц, а парень добавлял жару, кусая мои губы и шею от подбородка к груди.

— Яр-ра... хор-роша... — хрипло отрывисто выдохнул Сергей в губы. — Теперь я... — Намотав на руки пряди моих волос, он уперся ими над моими плечами, а широко разведёнными коленями — в постель. — Подтяни ножки... — Я подхватила себя под колени и упёрлась ступнями в его бока. — Отлично... — скользнул жарким взглядом по моим губам и груди, мазнул по животу и уронил его на средоточие моего наслаждения, набухшего между раскрытых мокрых складочек. — Красавица...

Мощный удар его бёдер о мои смазал короткую вспышку боли от врезавшегося в матку члена. Меня швырнуло вверх, и я поняла, зачем Сергей зафиксировал руками моё положение. Меня било о них, как прибой о скалы, с каждым беспощадным рывком любовника. Сочные громкие шлепки смешались с его похотливыми стонами и животным рыком, с моими вскриками и чуть слышным шелестом взмокшего от нашего пота шёлком чёрных простыней. Он вбивался в меня, как сумасшедший, доводя до исступлённого

страха от жёсткого секса, сжимавшего внутренние мышцы, сменившегося обжигавшим предвкушением взрывного удовольствия, налившего всё тело. Боль вдруг стала приятной и желанной, сконцентрировалась внутри пульсаром и толчками выбралась наружу, обхватила вход в лоно и разлилась по складочкам лавой, вцепилась в клитор цепко и будто дёрнула с новым ударом члена внутрь, так что меня подбросило, будто прошив ослепившим разрядом молнии, наполнив всю меня сплошным экстазом. Я забилась под парнем, судорожно вскидывая бёдра ему навстречу, меня просто захлестнуло оглушительной волной бесподобного оргазма. Я забыла, что человек, девушка, что парень этот едва знаком, и теребила грозивший разорваться клитор, размазывая сок и сперму парня по складкам с похотливыми стонами «ещё... ещё...»

— Ты как?

Я глубоко вздохнула.

— Как из... под терминатора... — призналась, пытаюсь выровнять дыхание.

Парень отрывисто засмеялся и лёг на спину рядом.

— Я могу быть другим, но ты тоже не девочка-пай, — лукаво усмехнулся, тяжело дыша и вытирая рукой пот, струившийся в глаза. — Прости, так хотел тебя весь вечер, что выдержка навывлет, — сгрёб меня в охапку и прижался к губам в благодарном поцелуе. — Ванна за зеркалом. Я принесу попить. — Он перекатился и снова оказался надо мной, скользнул по моим мокрым складкам пальцами и, глядя в

глаза, лизнул их. — Так мы еще не пробовали.

Сергей вышел из комнаты, и я села на скомканной постели — сразу и не разберешь, где что. Всё же девять квадратных метров секса — это не полтора. Я сползла с кровати, чувствуя, как течёт по ляжкам сперма, подошла к зеркалу и рассмотрела себя: покрасневшаяся, мокрая насквозь от влаги наслаждения и пота, лохматая, с опухшими губами. Нажала ручку на двери и вошла в ванную.

Огромное горизонтальное зеркало над каменными чашами раковин подсвечено голубоватым светом, полотенца, аккуратно сложенные, за стеклом небольшого шкафа. Нашла выключатель и пошла в стеклянную кабину.

Под душем комнатной температуры потеряла счёт времени, расслаблялась, натираясь пеной с ароматом океанского бриза. Провела вверх пальцем по панели регулировки температуры, пока тело терпело горячую воду, и быстро опустила вниз, окатывая себя холодом до тех пор, пока не привыкла к нему. Вышла, ощущая контраст холодной кожи и внутреннего тепла, вытерла, взлохматив до творческого беспорядка потемневшие от воды до грифельно-серого волосы, обернулась баннным полотенцем и вернулась в комнату.

Сергея ещё не было, и я занялась наведением красоты на сексодроме.

Савелий

— Серый, ты охренел?!

Я застал брата в кухне. Его нехило лихорадило, рука с хрустальным стаканом, на треть заполненным коньяком, дрожала, на лбу блестел пот.

— Реально охренел, — согласился, чувствуя его дикое возбуждение. Налил стакан воды и выпил залпом, потом еще. — Мне надо в душ. И тебе советую, — бросил Савелию, налил воды из бутылки и сунул полный стакан ему в руку.

Парень вернулся через несколько минут с обёрнутыми полотенцем бёдрами и влажными волосами — ванная во дворце принца на белом «Линкольне» точно не одна. Протянул мне высокий хрустальный стакан с минералкой.

— Спасибо, — выпила с жадным удовольствием.

Сергей накрыл мою руку ладонью, когда протянула ему бокал, и его брови на секунду вздёрнулись:

— Ты холодная... — провёл по руке. — Что-то не так с горячей водой?

Он поставил стакан на столик у изголовья кровати и уже собрался в ванную, но я остановила, поймав его за руку.

— Я люблю контрастный душ, — потянула его на себя, откидываясь на постель. — Ты сказал, что можешь быть другим... — смотрела прямо в сизые глаза, и казалось, что в них голубые молнии стали шире и ярче.

Сергей поддался мне и оказался сверху. Даже через два полотенца я чувствовала его твёрдое возбуждение. Ну точно — терминатор! Но сегодня мне это нравилось, жаль, что уже

рассвело, и скоро сказка превратится в обычный день делопроизводителя. Не серый — я умею раскрашивать дни маленькими радостями и редко теряю хорошее настроение, — но всё же ничем не выдающийся.

— Могу, — улыбнулся парень, блуждая ярким взглядом по моему лицу, рассматривая и оглаживая щеку костяшками пальцев. — Ты очень обаятельная, Яра. Хочу тебя.

Я лукаво прищурилась:

— Ненасытный?

— Мне нужно вдвое больше, чем обычному мужчине, — вернул усмешку Сергей. — Выдержишь?

— Тебе придётся вдвое больше постараться, — улыбнулась.

— Тогда... не будем терять время... Яра... — произнёс моё имя как-то особенно мягко и проникновенно, до щемящего ощущения в груди и спазма внизу живота.

Парень перевернул меня на спину, и я почувствовала, как оголились мои ягодицы. Их тут же согрели тёплые ладони и шёлковые поцелуи, продлившиеся на бёдра. Вытащила уголок полотенца и перевернулась на спину, разворачивая махровую полосу и обнимая бёдра Сергея ногами.

Он скользнул по моему телу потемневшим взглядом, нежно провёл по бокам и накрыл ладонями груди. Склонился и приласкал бледно-розовые соски, обхватив их по очереди мягкими губами и очертив языком маленькие ореолы. Спустился ниже, прокладывая дорожку из поцелуев к самому

центру моего нескромного желания. Я закрыла глаза и застонала, когда твёрдый язык окружил вниманием узелок между светлых, уже мокрых складочек, выгнулась, раздвинув согнутые ноги, подставляясь под почти забытую ласку...

О, святые артишоки! Как давно меня так никто не нежил! Тело отзывалось на каждое прикосновение, на каждую нарисованную вокруг клитора петельку, на каждый мазок узора, нарисованного умелым языком между моих складочек. Эта ласка была красивой и сладкой. Если бы этот мужчина совсем недавно не вколачивал меня в матрас, не разбивал моё тело о рифы своей дикой страсти, я бы никогда не поверила, что он может быть таким... таким... выразительным.

Я почувствовала его пальцы на ягодицах. Принц не сжимал их, как делал это раньше, оставляя отпечатки, а поддерживал меня немного на весу и покачивал, не прерывая ласк. Я вцепилась в его густые короткие волосы, дрожа от сильнейшего возбуждения. Лоно уже налилось и пульсировало, жар скопился густой каплей и медово растекался по следам ласки.

Сергей накрыл мою плоть губами и бил по клитору кончиком языка размеренно и часто, но его быстро сменил кончик пальца, а вместо члена в лоно проник язык. Я приподнялась на локтях, упёрлась ступнями в постель, уронила взгляд туда, где кружился вихрь предвкушения, и бесстыдно забилась бёдрами навстречу стремительной волне предоргазма. И когда он ошпарил меня кипятком своей мощи, затряслась и за-

стонала отчаянно и протяжно, откинувшись на простыню.

Молодой мужчина лизнул пульсировавший вход, скользнул по складочкам, собирая влагу, успокоил поцелуем клитор, поднялся по следам своих ласк к груди и накрыл рот губами. Я дотянулась до его полотенца и размотала его, подалась навстречу твёрдому члену плотью, но Сергей лишь потёрся об неё и прошептал, щекоча дыханием губы:

— Мы сделаем это в другой раз... милая Яра... — снова так сладко и волнующе произнёс моё имя, что бедное сердечко затрепетало. — Ты там нежная, как взбитые сливки с земляникой и мёдом. И у тебя очень красивая грудь... Яра... — и снова ёкнуло сердце, и запорхало что-то в животе. — Запретил бы тебе её прятать.

Я смутилась, щёки загорелись, и я тут же получила в обе поцелуй и следом ласковую улыбку с ямочкой на щеке.

Странно, что я весь вечер ее не замечала.

— Давай спать, — он коснулся губами кончика моего носа и подхватил меня на руки, уложил на подушку и лёг, обняв со спины и накрыв нас невесомым одеялом.

Его возбуждённый член прижался к моей попе, но парень даже не пробовал шевельнуться. Я лежала в его объятиях и не понимала: я его хочу, он хочет меня, но не трогает. А через некоторое время ощутила, что он уже усмирил своё желание и задышал глубоко и размеренно.

Уснул. И я тоже закрыла глаза, впервые за несколько лет засыпая с мужчиной, да ещё в его доме.

Дубль пятый. (С)точно чувствуя

Сергей увёз меня на работу, поцеловал в щёку, подмигнул, проводил взглядом до двери магазина, а когда я обернулась, моргнул фарами серебристого «Мерседеса» и вырулил из кармана. Теперь я провожала его взглядом. Вот так заканчиваются полные романтизма вечера и полные секса ночи.

Открыла ключом внутреннюю дверь и чуть не оглохла от звонкого Светиноного:

— Ярка!

Подруга подскочила ко мне с чашкой чая с лимоном — её любимого, подхватила под руку и потащила в кабинет. Как у неё хватило выдержки не трезвонить мне — не представляю. Без Веника точно не обошлось, наверняка парень изгалялся как мог, отвлекая её от попыток позвонить.

— Свет, ну дай хоть чаю налить! — взвыла я и выдернула руку.

— Я чайник к тебе утащила, пирог ягодный купила и даже кружку твою помыла... — зачастила подруга, толкая меня в спину.

Я закатила глаза — она решила устроиться с комфортом, рассчитывая на подробный рассказ, но мне нужно было сделать «утренние процедуры».

— ...Рыбные корма расфасовала, температуру в аквариумах записала, договор аренды продлили — маме уже о по-

вышении платы сообщила, показания счётчиков передала, открытые мешки взвесила и усушку записала. Кассу загрузила. Опять попугай сдох. Заклевали, что ли... В морозилке лежит. Не забудь отдать Герке.

— Ты сегодня не спала, да? — съехидничала я беззлобно. Это ж надо было прийти на час раньше, если не больше, и сделать все мои ежедневные «завтраки».

— А ты? — расцвела лукавой улыбкой Света.

Все-таки она замечательная. Осталось принять две поставки и дожидаться аквариумиста. И можно ехать спать. А спать хотелось. Я села в своё любимое кресло за рабочий стол, откинулась на обнимательную спинку и смотрела, как подруга высыпает пакетик «MacCoffee» в мою кружку и наливает кипяток. Позвонев ложкой как колокольчиком, подвинула мне ритуальный напиток и открыла пирог с малиной, черникой и смородиной. Наконец, села напротив, подперев кулачками щёки, трянула светло-русой головой, сверкнула голубыми, как карбункулы, глазами и выдохнула:

— Ну, рассказывай, — и уставилась на меня так преданно и не мигая, что я расхохоталась.

— Записывай, — бросила избитую фразу, ковырнув ложкой любимый пирог.

— В анналы памяти — даже не сомневайся, — убедила подруга. — Не тупи, Яра! Скоро «Хиллс» привезут и наполнители!

Я пожала плечами и поморщилась — после зверской стра-

сти Сергея они болели. Когда он утром положил руки мне на плечи и немного сжал, я взвыла, он аж поднял руки в жесте «сдаюсь» и недовольно покачал головой, будто это я виновата. Потом, правда, целовал, прося прощения, но мне, если уж честно, понравилась его дикость, неожиданно сменившаяся на щемящую нежность: контрасты на грани крайности — моя тема.

Вздохнула, проглотила кусочек воздушного пропитанного соком ягод бисквита и начала с самого начала...

Савелий

— Вы воспринимаете дар, как проклятье, — сетовал Эрик Юханссон — лучший сенсорный терапевт в Европе.

— Но я читаю не только брата. Всех! Ещё года четыре назад так не было.

— Ваша гиперчувствительность развивается, герр Савелий, — развёл руки немолодой мужчина. — Изменение сенсорной системы человека — процесс эволюционный. Такие как вы — первые ласточки. Уже даже телепатами никого не удивишь. А вы просто уникальны...

— Мне сдаться на опыты? — угрюмо поинтересовался.

— Ну зачем же так сразу...

— А можно не сразу? — я усмехнулся.

— Ирония? — иностранцам трудно даются тонкости русских смыслов. — Я хочу сказать, что эмпатия уже не редкость и хорошо изучена, тысячи людей живут, осознавая

свои возможности, и сотни тысяч — нет.

— А что я чувствую собак и воробьёв — это вписывается в эволюцию? — конечно не до такой степени — я утрировал, но какая-то дикая связь с животным миром меня угнетала — я просто не мог смотреть на страдающих животных, они какой-то частью моей эмпатии приравнялись к людям.

— Конечно! Вы только представьте будущее человечества: полное единение с природой, понимание страданий любого существа, насилие станет просто невозможным... — эскулап вдруг замолчал и вздохнул: — Вы могли бы стать величайшим писателем.

— Мне и продюсером хорошо...

Я совсем не разделял его яркого воодушевления и даже радости. С этой чёртовой чувствительностью мы с братом даже с разными девушками не можем быть — природа разделила наши тела, а сенсорику оставила одну на двоих, и это ещё усугублялось и без того тесной связью с близнецом. Разделить, что чувствую я и брат, просто невозможно. Мы с ним как сообщающиеся сосуды. Уже в детстве это приносило немало проблем: один ударился — болит у обоих, один боится — второй тоже, о болезнях вообще говорить трудно, а вспоминать, какой ад я испытал, когда Сергей попал в аварию...

Теперь стало ещё хуже: мы неизбежно испытываем одинаковые чувства к одной девушке. Единственное, характеры у нас всё же разные, но лишь потому, что в той аварии вы-

жил только брат, и мне пришлось не сдохнуть самому, пока он лежал в коме, и стать старшим, хотя родился я вторым. Да это неважно. Эта катастрофа усугубила мою чувствительность ещё больше: как сказал Эрик Юханссон, брат стал для меня человеком-целью, я считывал его пассивно, и сделать с этим ничего нельзя. Мой дар — а для меня проклятье — сильнее, чем у Сергея, и он развивался дальше. Мне снились кошмары... и брат появлялся на пороге моей комнаты мокрый от липкого пота, молча садился рядом, и мы старались справиться вместе.

Но можно справиться со страхом, с болью — с чем угодно, но есть чувство, с которым справиться невозможно, оно не поддаётся логике, не контролируется сознанием — любовь. Именно из-за неё мы впервые обратились к сенсорному терапевту — это очень редкие специалисты, в России нет ни одного. Россия оказалась на редкость приземлённой в этом смысле страной, я бы даже сказал — отсталой. Всё, что выходит за рамки обычного, в ней не принято и доведено до абсурда битвами «экстрасенсов». Скажи кому-нибудь, что ты особенный — покрутят у виска и спросят, что пил или курил. Но ни в одной другой стране мира так к подобным утверждениям не относятся. «Людей отрывают от собственной природы, рвут связи с землёй, чтобы распродать. Не люди — тении», — говорил отец, когда мы с братом жаловались на насмешки не только сверстников, но и взрослых. Когда подросли, стали скрывать нашу особенность, чтобы не упекли в

психиатричку. Но нам ещё по двадцать пять лет, вся жизнь впереди. Мы влюблялись... и получали неразрешимые проблемы: любил Сергей — я намертво привязывался к той же девушке. И наоборот.

Однажды целенаправленные поиски помогли нам встретить Лизу. Она тоже была эмпатом, но слабым. К тому же оказалась материально озабоченно шлюхой. Испытывали к ней сильные чувства, она стала для нас обоих человеком-целью — сенситив особенно ярко чувствует важного для него человека. Чего нам стоило гасить общее желание придушить её от ревности и ярости — не рассказать словами. А когда она наградила нас обоих болезнью богини Венеры, к счастью, излечимой, мы с братом и обратились к сенсорному специалисту в Швейцарии, купили здесь — в Кальвине — дом и выдирали Лизу из себя с ментальной кровью.

Мы с Сергеем — просто сточные канавы для эмоций окружающих людей. Пусть мы чувствуем других не так остро, но всё же чужие эмоции порой перехлёстывают наши собственные.

Яра — ещё одна наша попытка устроить личную жизнь. Но если Лиза была рада трахаться с нами двумя, то эта пепельная красавица — совершенно другая. Мы оба испытывали к ней симпатию: я более глубокую, а брат пока просто наслаждался и не верил, что эта попытка — уже даже не третья, было ещё две — на этот раз основательно подготовленная, завершится успехом. Мы не переживали, что бу-

дем ревновать — прошли этот этап и приняли как ещё одно неизбежное зло, мы переживали, что *нас* не полюбит Яра. Сергей хорохорился и ёрничал, но именно он оказался более уязвим, поэтому основная роль добиться взаимности от де-вушки легла на него. Но я, как «второе пришествие Сергея», должен быть любим ею не меньше. Иначе всё зря.

Это будет тяжёлая игра. Не по правилам. Но эволюция не оставила нам выбора. Мы с братом — явный перекося в её генетических экспериментах.

— Слушай, ну ведь красота какая! — Светлана крутила в руке украшения, подаренные Сергеем, и глаза её, как два фонарика, сияли ослепительно голубым светом. — Вот это мужчина! Он тебе позвонит?

— Номер телефона взял и два своих вбил. Наверное, позвонит, — пожала плечами и снова поморщилась.

— Что ты всё мордочку кривишь? Болит что-то? — заметила подруга, как я кручу плечом, пытаюсь прочувствовать глубину и ширину проблемы.

— Есть немного.

— Ты его на плечах носила, что ли? — хохотнула.

— Нет... В общем... — я замолчала, раздумывая, рассказать ли самое интересное, о чём Света тактично не прашивала. — Он в сексе очень... как бы сказать... — Подруга опустила взгляд, не смущая меня и давая собраться с мыслями. — ...как дикий зверь.

— Как лев? Или хомячок? — всё же не удержалась и тут же выставила руку. — Стоп! Не отвечай! Я бы тоже не хотела рассказывать, как мы трахаемся с Веником... — она закатила глаза. — Вдруг Сергей — твоя судьба! И как я потом должна буду разведеть то, что ты мне сейчас собираешься рассказать?! Нет, подруга, уволь меня от подробностей... — решительно заявила, но мгновенно сменила выражение лица на жалостливое, смешно вытянула губки трубочкой и сложила ладошки в молитвенном жесте: — Ну если только два словечка... таких... чтобы я сама додумала... Вдруг это так интересно, что я захочу с Веником попробовать...

Я рассмеялась:

— Тогда одним словом: это был хардкор.

— Ни-че-го се-бе... — протянула подруга. — И как?.. Ой, прости-прости!

— Ну вот, как видишь, — положила руки на плечи и немного помяла мышцы. — Непривычно, но... — я замолчала и прищурилась.

Света приоткрыла рот и чуть опустила и склонила вбок голову, вытаращив и без того большие глаза:

— Но...

— Мне понравилось. К тому же он умеет быть нежным, — я сунула в рот большой кусок пирога.

Подруга зависла где-то в своей реальности, провалив взгляд сквозь меня, и я смогла спокойно сделать большой глоток кофе. И чуть не прыснула им, когда она задумчиво

протянула:

— Ну всё, Веник... Я тебя покусую...

Я рассмеялась и закашлялась и не сразу обратила внимание на свой вибрирующий на столе телефон. Звонил Сергей:

— Алло, — волнуясь, ответила я на вызов, а подруга притихла.

— Привет, Яра. Как у тебя дела? — мягкий голос парня насквозь пропитан заботой.

— Всё нормально.

— Поужинаешь со мной завтра?

Света энергично закивала, не давая мне даже подумать — она слышала голос парня в динамике.

— У меня завтра как раз выходной...

— Скинешь мне адрес? Я приеду к семи.

— Хорошо. Но ты же помнишь, что к полуночи я должна быть в общежитии?

— Что за глупости? — прозвучало удивлённо.

— В смысле? — не поняла я.

— Прости, Яра, конечно, как скажешь. Извини, мне надо решить кое-что. Я перезвоню позже, если ты не против.

— Буду ждать, — ответила, странно себя чувствуя.

— Целую, красавица. Хорошего тебе дня.

Сергей завершил звонок, а я отняла телефон от уха и уставилась на него, будто он мог мне что-то объяснить. Хотя я и сама не понимала, что вдруг смутило в разговоре.

— Яр, ты чего? — обеспокоилась подруга.

— Какой-то он странный.

— Ой, не придумывай! Он так хорошо поговорил с тобой... — Её перебил звонок в дверь на «пандусе». — О, «Хиллс» привезли и кошачьи наполнители.

Она схватила со стола печать и ручку и унеслась принимать товар, давая мне возможность спокойно допить кофе.

Дубль шестой. Гор(д)ячка

Савелий

— Серый, мы же договорились, что все нюансы о Яре я должен знать.

— Я что-то упустил? — насторожился брат, чувствуя моё раздражение.

— А ты подумай.

Сергей развалился в шезлонге у бассейна и потягивал уже не первый алкогольный коктейль. Задумчиво уставившись на воду, недолго помолчал и пожал плечами:

— Убей, но вроде всё рассказал. Да и нечего было. Работает в зоомагазине... да ты сам отвозил, любит серый и розовый цвета — как и мы, заметь... — поднял указательный палец. — С артишоком я мути навёл, думаю, она потом догадается, что к чему. Украшения ты сам заказывал... Её анкету у кастинг-директора и соцсети мы вместе штудировали. Что в нашем проекте участвовала — ты сам знаешь.

— А что в общагу ей до полуночи надо попасть? — напомнил я.

— Тыфу ты! — расстроился брат. — Из головы вылетело. Удачно так сложилось всё, я бронь в отеле не отменил...

— Я отменил, когда ты предупредил, что везёшь Яру к нам.

— Сав, что бы я делал без тебя? — в голосе — и не только

— прозвучала теплота. — Из нас двоих ты самый разумный.

— Зато ты с лихвой компенсируешь мне недостаток развлечений, — я улыбнулся.

— Должна же от меня быть хоть какая-то польза, — усмехнулся Сергей.

— Ты как ребёнок, — я укоризненно покачал головой, чувствуя желание брата, чтобы его похвалили.

— Сав... — он сел и отставил бокал. — А если она...

Я чувствовал смятение и даже страх, но вместе с тем и предвкушение и ожидание. Брат отделил свои эмоции и посмотрел на меня с интересом:

— Тебя меня мало, да? — спросил недоверчиво.

Я потёр виски:

— Иди, выпей таблетку, голова болит... недоалкоголик доморощенный.

В компании Светы рабочий день полетел быстро. Подруга весело щебетала о своём Венике, сама приняла вторую поставку и со знанием дела чисто по-хозяйски навела шороху в «живом» отделе: переставила с продавцами стеллажи с клетками, пересадила драчунов попугаев и потискала всех, кого могла. Кипучая энергии подруги сегодня компенсировала недостаток моей — всё же количество секса и выпитого алкоголя затмило весь мой предыдущий опыт. Я глотала кофе кружка за кружкой, но зевки не прекращались, челюсть уже болела, а глаза слипались. Лучше бы Сергей продолжил

оргию до утра. Поспать мало — хуже, чем не спать совсем. Зато после обеда, сдав инкассацию и рассчитавшись с аквариумистом за новых рыбок и чистку аквастены, я собралась домой.

— Давай, вызову такси? — приставала подруга. — Уснёшь в метро, потом еще пробки на Дмитровском. Точно проедешь остановку!

— Нет, Светик, мне деньги на другое нужны, ты сама знаешь.

— Всё-таки решилась ещё раз попробовать? — подруга всё равно задрала руку и остановила летевшую мимо машину с шашечками. Назвала водителю мой адрес, спросила, сколько будет стоить, рассчиталась и подпихнула меня к двери. — Садись, и никаких возражений! Вычтем с премии, — она улыбнулась. — Выпись, а то ты сегодня скучная, как никогда.

— Ох, Света... — мы обнялись, и я плюхнулась на заднее сиденье.

Она права — сегодня я словно выжатый лимон, будто все мои эмоции и силы выпил Сергей. Я даже не способна была радоваться предстоящей встрече с ним. А ведь у меня завтра много дел, которые нужно успеть переделать до вечера.

Честно старалась смотреть в окно, но всё равно уснула. Показалось, только прикрыла глаза, а водитель уже будил меня, стоя на углу нужного мне дома. Вышла, сухо бросив «спасибо», и побрела вдоль двухэтажного здания из красно-

го кирпича мимо магазинчика и кафе к синей железной, раскрытой настежь двери общаги.

Равиля на месте не оказалось, я слышала его голос со стороны единственной душевой. Подёргала дверь вахтёрки — закрыто. Вздохнула и осталась ждать, когда азербайджанец вернётся и даст мне ключ. Он вдруг прекратил на кого-то орать и незаметно подкрался сзади, обхватил меня, сковывая крепкой хваткой руки, и оторвал от пола. Я от неожиданности взвизгнула и пнула его каблуками по голени.

— А***а, что ли?! — заорал он, отпустив меня, согнулся и потёр больное место.

Хотя больные места у него другие: голова и член — одна ни черта не думает, второй пустой думалке неподвластен.

— Сколько раз говорила не трогать меня?! Ты тупой или да?!

Я лупила его сумкой с вещами, в которых уезжала из общаги на шоу — Света любезно выстирала вещи и доставила их мне на работу. Равиль, конечно, чистой воды ходячая горячка, но я его не боялась ни капли, хотя отбиваться от его домогательств приходилось частенько. Яркий и симпатичный, он поначалу мне даже понравился, но переход в горизонтальную плоскость я пресекла с первой же его попытки меня поцеловать. Вместе с ним я могла только танцевать лезгинку в кафе «Паприка», принадлежавшем этой же предприимчивой семье и расположенном в здании общежития. Впрочем, продуктовый магазин на углу — ещё одна часть

их семейного бизнеса. Они на самом деле очень отзывчивые люди, но наше мировоззрение отличалось по всем пунктам, поэтому я постановила смотреть на красоту парня издалека и свою показывать, как в музее — за ограждение не перелазить и руками экспонат не трогать. И уже была уверена, что добилась этого, но вот опять попала в его крепкие руки.

— Ну хватит, Ярка! Забьёшь до полусмерти!

— Ключ давай, горячий южный парень! — я демонстративно выставила ладошку.

— Пока не скажешь, где ночью была, не дам, — заявил Равиль, снимая ключ с доски и зажимая его в кулаке. — Или пока не дашь поцеловать.

Я чуть не задохнулась от возмущения:

— А что тебе ещё дать? — выпалила, не подумав, и осеклась, глядя, как хитро прищурил чёрные, как угольки, глаза парень. — Может, хинкали сразу настряпать? — тут же нашлась, но облегчения не почувствовала: ох, язык мой — враг мой.

— А и настряпай! Посмотрю, какая ты хозяйка! — подцепил тему Равиль. — Может, женюсь! И даже забуду, какая ты гордячка.

— Отвратительная! — ответила одним словом и на «хозяйку», и на «гордячку». — И бардак у меня вечный. Дай ключ, убираться пойду!

Парень как-то быстро сдался, положил мне ключ на ладошку, и я на второй этаж просто взлетела. Стычка с горячкой

взбудрила, сон как рукой сняло. Отперла дверь и застыла — на компьютерном столе стоял пышный букет мелких розово-белых роз. Красота невероятная! Но, кроме Равиля, поставить их сюда никто не мог. А его вторжение в моё личное пространство испугало. Я решительно направилась к столу, взяла вазу и спустилась вниз. Молча поставила её на вахтёрку и окатила парня таким ледяным взглядом, который только смогла изобразить:

— Ещё раз сунешь нос в мою комнату — закачу концерт на всю общагу, понял?

Развернулась, не дожидаясь ответа, и поднялась к себе. Заперлась и плюхнулась на диван. В общежитии постоянно живут только пять женщин: я, мать и взрослая дочь в соседней комнатке, и ещё две нерусские женщины в третьей комнате в маленьком тупичке сразу у лестницы. Я нас даже общая дверь есть — Самвел поставил по нашей просьбе. Хотя она не замыкалась, но создавала иллюзию защищённости и глушила шум бригад вахтовиков. Но Марина — соседка, приехавшая с матерью из Иркутска, на днях сказала, что они подыскивают варианты недорогого жилья и предложила снять трёхкомнатную на троих. Тогда я отказалась, но сейчас уже готова была согласиться. Осталось дожидаться, когда придут с работы соседки, и сообщить им эту новость...

Я прибралась, сходила в магазин за копчёной курицей и готовым салатом — готовить не хотелось от слова совсем. Прихватила ореховую смесь, бутылку молока и свежую ку-

риную тушку для питомца. Накрыв сервировочный столик, открыла на ноутбуке сайт с фильмами и включила сериал. Едва наелась, стало клонить ко сну — бодрячок пропал так же быстро, как и возник. Я уютно устроилась, обняв подушку, и закрыла глаза.

Проснулась я в ту самую пору, когда солнце ещё не скрылось в своём небесном чертоге, но уже умерило свой пыл. Умылась и вышла из комнаты. Соседки уже вернулись с работы и на мой стук в дверь хором крикнули «заходите».

Их комната — жертва погрома: вещи на кроватях навалены горой, на столе громоздилась вся посуда, шкаф зиял пустотой и крупяными крошками, Эверест из обуви и Джомолунгма из бытовых мелочей, как врата в хаос, возвышались посередине комнаты. Коробки, сумки, пакеты и мешки были везде, пустые и уже или ещё чем-то забитые.

— Уже переезжаете? — сердце осело в желудок.

— Да, машина приедет через два часа, — утерев пот со лба и сдунув прядь, ответила довольная соседка. — А ты уже собралась?

— Куда? — я обалдела от неожиданного вопроса.

— Равиль же тебя искал вчера предупредить... — Таня посмотрела на меня внимательно и всплеснула руками. — Вот урод, а! Цветочки, значит, подсунул, а сказать не сказал, — возмущённо и очень громко закончила девушка, вперив взгляд в дверь, будто пыталась докричаться до охранника.

— Короче, подруга, сегодня ночью полицейский рейд, а по-простому — облава. Вчера всем сказали освободить комнаты до сегодняшней полуночи... Как-то так.

У меня подкосились ноги, я шлёпнулась на свободный от вещей угол кровати.

— Тань, а вы трёшку сняли, как хотели?

— Да, убитая после пятнадцати таджиков, но цена соответствующая и место отличное.

— А ещё не передумали подселенку взять?

Таня улыбнулась.

— Дуй собираться. Если надо, вон, пару мешков возьми,

— кивнула девушка на стопку сложенной упаковки.

Дубль седьмой. Понаехали

Двух мешков не хватило. Трёх тоже. Одной только обуви у меня много и разной — кастинги обязывали. С одеждой та же песня — в один чемодан всё не влезло. Шторы, покрывало и одеяло с подушками, шуба, пальто, куртки на все сезоны, фикус, стопки книг, искусственная ёлочка с коробкой игрушек, большая, с пятилетнего ребёнка, авторская кукла-барыня — подарок моего бывшего парня — всё это, не считая тысячи мелочей, как-то незаметно жило в комнате и не бросалось в глаза, пока я не свалила всё на диван, устроив личный Армагеддон.

Но главное — большой террариум с Локи — королевским питоном, которого две недели назад принесли в магазин даром, но Анна Павловна отказалась его принимать — она до смерти боится змей, кое-как смирилась с ужами, и то паниковала, когда у них убирали — боялась, что выскользнут на свободу. А я много лет занималась восточными танцами и немного балетом, и всегда хотела придумать свой номер с питоном. Для Балезино это было бы круто. Для Москвы — мелко.

И вот это всё добро в два мешка не уместилось. О диване со столиком-подлокотником и встроенной в него газетницей, о компьютерном угловом столе, заменявшем мне сервант, о винтажном платяном шкафе, достойным царской по-

пы кресле, сервировочном столике, светильниках и о длинноворсовом ковре я уже вообще молчу — это всё подбиралось с любовью, и оставлять я это не собиралась. Маленькое пространство комнаты в общежитии я обустроила так, как хотела бы жить — стильно, удобно, уютно и аутентично, а главное — всё это подобрано в моих любимых цветах: сером и розовом.

В итоге мне пришлось срочно вызывать машину и грузчиков и в суматохе вылавливать Самвела, чтобы забрать у него предоплату за десять дней. Уже когда всё погрузили, Равиль всё же сунул мне в руки вазу с розами.

— Что я как дурак с этими розами? Не возьмёшь — выброшу.

Я немного посомневалась, но вряд ли уже когда увижу Равиля, поэтому за букет от меня отдачи всяко не потребует, и взяла цветы — всё же они мне очень понравились и отлично вписывались в обстановку комнаты.

— Ну ладно, в знак доброй воли.

Вылила почти всю воду и сунула вазу между мешками как раз перед тем, как водитель поднял борт и опустил тент.

— Девушка, адрес скажите, — попросили три парня — грузчики, приехавшие на личной машине.

Назвала адрес и уже поставила ногу на подножку, но внезапно меня выкрутило, и я оказалась в объятиях Равиля, а мои губы накрыли горячие уста чернявого красавца. Я лупила его по груди, вырываясь, и поцелуй продлился недолго.

— Ты охренел, Равиль?! — размахнулась залепить ему оплеуху, но горячий парень перехватил её, а сердце, пересчитав частыми ударами рёбра, скатилось в живот от насмешливого ответа:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.